

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ФЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.)

Вдовой, братьями и дѣтьми покойнаго Александра Федоровича Кистяковскаго намъ предоставлено было право разсмотрѣть воспоминанія отца его, писанныя по личной просьбѣ Александра Федоровича и имѣвшія первоначальное назначеніе только фамиліное. Разсмотрѣвъ эти воспоминанія, мы пришли къ выводу, что они, кромѣ личнаго, имѣютъ и общественное значеніе, не только потому, что всякія замѣтки о картинкахъ жизни прошедшей есть достояніе исторіи, но и потому, что въ нихъ затрогиваются нѣкоторыя стороны жизни окружающаго общества, иногда очень рельефно выступающія въ разсказахъ старика священника. Рѣшивъ въ виду этого ихъ напечатать, мы обратились за разрѣшеніемъ къ родственникамъ автора, которые и дали намъ на это свое согласіе, за что позволяемъ себѣ привести имъ нашу глубокую благодарность.

Удобіе всего, конечно, начать печатаніе этихъ воспоминаній въ той книжкѣ нашего журнала, которая посвящается памяти сына автора ихъ, при чемъ самыя воспоминанія эти, какъ было сказано, появились на свѣтъ, благодаря просьбѣ этого сына, думавшаго о возможности сдѣлать ихъ гласными, какъ объ этомъ свидѣтельствуется собственноручная надпись Александра Федоровича на поляхъ рукописи. Вотъ эта надпись: „Воспоминанія отца моего, написанныя имъ по моей просьбѣ въ 1876—79 гг. Записки эти, къ сожалѣнію, не кончены. Воспоминанія доведены до посѣщенія отцемъ города Кіева въ то время, когда братъ Федоръ по-

ступилъ въ университетъ. Отець еще живъ, но онъ такъ дряхлъ, что съ трудомъ въ состояніи написать письмо. Записки эти для меня лично представляютъ большой интересъ. Онѣ не лишены также и общаго интереса. Современемъ онѣ составляютъ нѣкоторый матеріалъ для исторической характеристики жизни того словія, къ которому принадлежалъ мой отецъ и среди котораго онъ жилъ. Жаль, что онѣ слишкомъ кратки. Кіевъ. 1879 г. 12 октября. А. Ф. Кистяковскій“.

Такъ какъ записки эти въ большинствѣ представляютъ картинки бытового характера и, слѣдовательно, говорятъ сами за себя, то мы не считаемъ нужнымъ говорить что-нибудь еще и отъ себя въ разъясненіе ихъ въ видѣ предисловія. Единственно, что намъ кажется необходимымъ—это дать читателю справку о личности графа Ильи Андреевича Безбородка, о которомъ въ этихъ запискахъ (въ первой части ихъ) говорится довольно много.

Графъ И. А. Безбородко (1756—1816)—младшій братъ знаменитаго князя А. А. Безбородка, благодаря значенію послѣдняго, быстро подвигался по служебной лѣстницѣ и въ сорокалѣтнемъ возрастѣ имѣлъ уже высшій гражданскій чинъ и титулъ графа римской имперіи. Смерть бездѣтнаго князя Безбородка доставила этому его единственному брату огромныя богатства. Найденная въ бумагахъ умершаго А. А. Б.—ка записка послѣдняго съ выраженнымъ въ ней желаніемъ, чтобы наслѣдникъ вносилъ въ первые пять лѣтъ послѣ смерти наслѣдодателя, по 10 тысячъ рублей въ годъ въ пользу богоугодныхъ заведеній, а затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ восьми лѣтъ—по 20 тысячъ рублей, подала мысль И. А. Безбородку учредить въ Нѣжинѣ училище высшихъ наукъ (впослѣдствіи—лицей, а еще позже—институтъ), при чемъ благородный наслѣдникъ прибавилъ еще отъ себя на содержаніе этого училища, кромѣ завѣщанныхъ братомъ, 210 тысячъ рублей ас., по 15 тысячъ руб. ас. ежегодно, на вѣчныя времена. Такимъ образомъ Нѣжинское училище своимъ учрежденіемъ обязано главнымъ образомъ гр. И. А. Безбородку, за что память о немъ въ Малороссіи должна быть сохранена на долгія времена.... Современники этого богача отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ очень добромъ и

доступномъ. По смерти гр. И. А. Б—ка богатства его унаслѣдовали двѣ дочери ¹⁾, бывшія замужемъ: одна—за адмираломъ Г. Т. Кушелевымъ, а другая—за кн. А. Я. Лобановымъ-Ростовскимъ. Старшій сынъ Кушелева получилъ позволеніе присоеди- нить къ своей фамиліи и фамилію дѣда—Безбородка.

Родился я въ 1807 году 20 дня апрѣля мѣсяца Черни- говской губерніи Сосницкаго уѣзда въ мѣстечкѣ Стольномъ. Отецъ мой былъ крестьянинъ графа Ильи Андреевича Безбо- родка, Емеліанъ Васильевъ Кистяковскій. Мать моя Марѳа Со- фронова дочь. Отецъ былъ средняго роста, довольно грамотный, отчего и занималъ мѣсто управляющаго. Мать, высокая, полная и красивая женщина, завѣдывала всѣми кладовыми, вмѣщавши- ми въ себѣ продовольственныя вещи для графской кухни, дес- серта и всѣ лакомства. Помню, что, когда я уже подросъ, по- стоянно являлись къ моей матери за сливками, масломъ, саха- ромъ, вареньемъ, изюмомъ, миндалемъ и прочими принадлежно- стями для закусокъ. Мы, дѣти, нерѣдко бѣгали въ кладовую за подачкою. Насъ было трое: я и еще двѣ сестры: Анастасія и Мавра; съ послѣднею я былъ въ большой дружбѣ и нерѣдко дрался. Рожденіе мое было ознаменовано: бабкою была у меня попадья Дарья Васиіева дочь Воронкевичева, славившаяся въ то время богатствомъ и почестями. Графъ подарилъ ей 50 руб., а матери на угощеніе гостей два ведра ренскаго вина съ доз- воленіемъ брать все нужное изъ его кладовой. По сказанію ма- тери, изъ вина варили вареную съ изюмомъ и другими ягодами и пряностями, бывшую тогда въ большомъ употребленіи. Нѣ- сколько дней гуляли, и бабка съ гостями являлась къ графу и получала подарки и изъ графскаго погреба вино бутылками, на- ливки и медъ.

Воспитаніе мое въ младенчествѣ было самое счастливое на рукахъ няньки, но мать кормила меня сама, хотя по желанію графа и была мамка. Въ полгода я сильно заболѣлъ; мать дала обѣтъ ѣхать въ Рыхлы поклониться Святителю Христову Ни-

¹⁾ Былъ у гр. И. А. Б—ка и сынъ, но умеръ молодымъ.

колаю и испросила крытый экипажъ у графа. Въ дорогѣ не брала я уже груди матери и мамки. По прибытіи въ обитель Рыхловскую мать заказала заздравную литургію. Она сама говѣла, и меня приобщили Св. Таинъ. Я видимо сталъ поправляться. Мать сдѣлала вкладъ денежный въ обитель. Строитель игумень Амвросій благословилъ меня образомъ Святителя Христова, спискомъ съ чудотворнаго образа, и предсказалъ моей матери, что она въ позднихъ лѣтахъ будетъ утѣшена моимъ благосостояніемъ ¹⁾. Когда я сталъ подростать, меня нянька носила часто въ графскія комнаты, гдѣ я получалъ разныя дѣтскія игрушки. Отецъ мой Емельянъ рѣдко проживалъ въ Стольномъ: ему дѣлались наряды по Малороссійскимъ графскимъ экономіямъ Черниговской и Полтавской губерній. По отзывамъ старожиловъ, отецъ мой былъ очень добрый и мягкій человекъ, строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы пригонщики не обижали женщинъ и дѣтей; онъ самъ нерѣдко привозилъ мѣшками бублики изъ Березного и раздавалъ для кормленія дѣтей, приказывая устривать имъ шалашики въ лѣтнее время и приставляя нѣсколько женщинъ для присмотра дѣтей. Сюда пригонялись люди изъ другихъ близкихъ экономій, Дримайловки, Куликовки и др. На огородахъ и въ садахъ работало болѣе ста душъ. Здѣсь, въ Стольномъ, кромѣ садовъ были огромныя оранжереи и теплицы близъ самага пруда, занимавшія болѣе четверти версты. Здѣсь, въ теплицахъ, росло множество аванасовъ и разнаго рода цвѣтовъ, не встрѣчающихся уже теперь, лимоновъ, апельсиновъ, цитроновъ, винныхъ ягодъ, миндалю, персиковъ, абрикосовъ и испанскихъ вишенъ рѣдкой величины и вкуса. А сколько было плодовъ лимона около оранжерей, росшихъ на воздухѣ и искусственно сохраняемыхъ! Они были необыкновенной величины, и я такихъ больше нигдѣ не видѣлъ, даже въ Кіевѣ въ продажѣ. Употреблялись они на варенье и для стола. Нынѣ уже только нѣкоторые роды уцѣлѣли, и отъ оранжерей осталась едва десятая часть. Есть еще до полсотни лимонныхъ деревьевъ, нѣсколько апельсинъ, цитроновъ; абрикосовыхъ и персиковыхъ бо-

¹⁾ Она умерла въ 50-хъ годахъ въ нашемъ домѣ и погребена въ селѣ Городищѣ около храма Святителя Христова Николая.

лѣе, но не въ томъ уже видѣ и порядкѣ. Всѣ нѣжные цвѣты и лучшіе сорта исчезли, а теплицъ вовсе нѣтъ. Вездѣ намъ дѣтямъ, т. е. мнѣ и сестрамъ, можно было ходить и пользоваться плодами, хотя тогда сторожей было безъ числа и строго воспрещалось входить кому-либо изъ постороннихъ, кромѣ гостей, коихъ сторожа на каждомъ шагу просили не ломать цвѣтовъ; сорванные же плоды садовникъ или ихъ помощники предлагали во время проходки.

Въ 1808-мъ году графъ далъ вольную отцу моему и матери со всѣмъ семействомъ, купилъ мѣсто въ Стольномъ на Зубрѣвской улицѣ и приказалъ экономіи построить домъ въ четыре комнаты, амбары, хлѣвы и клуню, развести садъ. У матери моей довольно было собственнаго скота. По устроеніи она наняла надежнаго человѣка, козака Трофима Присѣвка, сдѣлала его полнымъ хозяиномъ; между тѣмъ онъ торговалъ рыбою, солью, чабаками. Въ *Дльвицѣ* покупалось нѣсколько мажъ чабаковъ, соли. Барышъ дѣлился пополамъ, скотъ лишній и овцы на весну продавались въ пользу одной матери. Лошадь онъ имѣлъ отъ себя для своихъ поѣздокъ и потребъ. Насъ лѣтомъ водили въ свой домъ, хотя очень рѣдко, а зимою по праздникамъ возили. Когда я началъ уже подростать и ходить, меня и сестру мою Мавру, бывшую на годъ старше меня, часто водили въ графскіе покои, вмѣщавшіе въ себѣ большое количество комнатъ, украшенныхъ дорогими въ золотыхъ рамахъ картинами и дорогою мебелью, обитою штофомъ, водили насъ и въ его кабинетъ, гдѣ были золотые обои¹⁾; здѣсь находился портретъ Императора Павла во весь ростъ. Графъ давалъ намъ дѣтскія игрушки, послѣ чего насъ посылали въ дѣтскія комнаты, гдѣ насъ кормили и давали конфекты и разныя сласти. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ насъ одѣвали прилично и водили въ домовую придворную церковь во имя св. Маріи Магдалины, находящуюся при комнатахъ. Служителемъ сей церкви сначала былъ протопопъ Лаврентій. Онъ былъ искусный рѣзчикъ по дереву. Кресты кипарисные на престольные его ра-

¹⁾ Кухелевъ вывезъ оныя обои изъ Петербурга. Сказываютъ, что это подарокъ Имп. Екатерины (свѣтлѣйшему) Александру Андреевичу.

боты находятся въ Стольнинскихъ приходскихъ церквяхъ, оправленные въ серебряные позолоченные оклады, какъ рѣдкость. По сказанію матери, онъ былъ умный и весьма отличный слушатель, но заболѣлъ и выѣхалъ на родину, въ Стародубскій уѣздъ. Я его чуть помню. Послѣ него переведенъ придворнымъ священникомъ изъ Андреевской церкви свящ. Даніилъ Игнатовичъ, тоже глубокой старикъ, бѣлый, какъ лунь. Сего я очень помню: онъ былъ большой крикунъ, въ церкви постоянно кричалъ на дьячковъ и пѣвчихъ и до того наказивалъ въ церкви, что она была какъ будто вся въ облакахъ. Для графа и его семейства входъ въ церковь былъ сдѣланъ изъ комнатъ, для дворовыхъ же и прочихъ—снаружи, гдѣ при входѣ находилась платформа, на которой висѣли четыре колокола; самый большой изъ нихъ былъ пудовъ въ десять. Въ самой церкви было небольшое помѣщеніе, но при входѣ было сдѣлано что-то въ родѣ придѣла, гдѣ помѣщались дворовые, а ихъ тамъ было болѣе ста душъ мужскаго пола; въ самой же церкви стояли благородные или близкіе къ графскому семейству его люди. И со стороны графскаго входа находилась также комната съ большими стеклянными дверями. Въ церкви былъ только одинъ влирость; надъ нимъ висѣла большая икона въ золотой рамѣ, академической работы, изображавшая Благовѣщеніе. Здѣсь же въ углу прибита была благословенная икона Святителя Христова Николая Рыхловскаго, предъ которою всегда теплилась лампада и горѣла восковая свѣча во время каждаго богослуженія; это доставлялось моею матерью, строго исполнявшей сей обѣтъ. На другой сторонѣ, на стѣнѣ, висѣла икона Рождества Христова—поклоненіе царей рождаемуса Спасителю, тоже академической работы. Здѣсь всегда стоялъ графъ во время богослуженія. Помню, онъ приобщался Св. Таинъ на первый день св. Христова Воскресенія, послѣ коего всѣ дворовые во входной предъ церковью комнатѣ подходили къ нему христосоваться по чину, и камердинеръ и нарочитые ближніе получали изъ рукъ его пару красныхъ яицъ, а послѣ прочимъ самъ камердинеръ раздавалъ лядца и христосовался. Наша же семья входила въ столовую и разговлялась съ графомъ и его ближними. Тогда же послѣ за-

куски получали мы денежную награду изъ рукъ графа, цѣлуя его въ руку: намъ, дѣтямъ, онъ давалъ по пятирублевой ассигнаціи, отцу и матери—по 25 рублей. Графъ жилъ въ сіе время оттого самъ, что устраивалъ своимъ коштомъ Домницкій монастырь. Графское семейство жило въ Петербургѣ.

Въ началѣ 1809 года графъ выѣхалъ въ Петербургъ, сдѣлавъ всѣ распоряженія къ весеннему его пріѣзду со всѣмъ семействомъ. Мать рассказывала, что еще до его пріѣзда наѣхало изъ Петербурга и разныхъ экономій много людей, искусныхъ въ разныхъ приготовленіяхъ закусокъ, и цѣлыя облавы охотниковъ. Все время шло копченье, приливанье, соленье; работали медовары, пивовары и составители разныхъ ликеровъ и наливокъ. Постомъ прибыли цѣлые караваны съ винами и прочими принадлежностями къ столу. Распространилась молва, что скоро пріѣдетъ графъ со всѣмъ семействомъ. Много всѣмъ было дѣла. Наконецъ, въ началѣ мая прибыла часть его обоза. Вскорѣ засуетилась вся дворня: начали вывозить кареты, разные экипажи; изъ другихъ экономій выслали много лошадей, экипажныхъ и верховыхъ. Наконецъ, высланы лошади на нѣсколько станцій, поскакали гайдуки изъ Стольнаго, вся дворня всполошилась. Съ полудня появились впереди кареты, штукъ до шести, послѣ разные экипажи. Когда кареты вѣзжали на парадный дворъ, то послѣдніе экипажи были только въ началѣ вѣзда. Для насъ, дѣтей, памятно, какъ гайдуки скакали предъ каретами, кучера и фореиторы хлопали бичами, колокольчики звенѣли; все это съ послѣдней станціи одѣто въ ливреи, въ золотыхъ позументахъ и шляпахъ съ позументами. Изъ Петербурга и другой какой-то экономіи пріѣхало два оркестра музыки: одинъ духовой, а другой—инструментальный. Въ обѣдъ играла инструментальная музыка, а по вечерамъ—духовая. Помню, что огромныя трубы лежали на подмосткахъ въ саду около большого крыльца.

На другой день рано являлись съ визитомъ: первый—генералъ Бобиръ съ семействомъ, Даниловичи-Городинскіе, священникъ Василій Воронкевичъ съ матерью, моей бабкою, затѣмъ исправникъ и засѣдатель. Они всегда были оставляемы отобѣдать. Матери моей и отцу ни днемъ, ни ночью не было покоя:

всѣ прїѣзжіе являлись на поклонъ. Затѣмъ непрерывныя требованія для кухни за провизіей, а тутъ постоянно прїбѣгали за сливками, сливочнымъ масломъ, за вареньемъ и разными пряностями. Все питье находилось на рукахъ дворецкаго. Вина и ликеры печатные помѣщались въ погребѣ подъ комнатами, а пиво, медъ, кислоти и наливки—въ отдѣльномъ каменномъ погребѣ. У дворецкаго былъ помощникъ, выдававшій изъ другого погреба, и все выданное ими записывалось. Въ конторѣ было пять писарей съ главнымъ конторщикомъ. Можно судить, сколько расходилось. Всего было 25 коровъ, да къ прїѣзду графа пригнано было изъ степныхъ экономій столько же дойныхъ. 12 душъ коровницъ утромъ и вечеромъ надаивали шесть носатокъ, каждая ведръ въ 7. Каждая пара коровницъ несла такую носатку на жерди, лежащей на плечахъ, самая же носатка висѣла на срединѣ. Приходили въ ледовнѣ и здѣсь разливали въ гладыжки, коихъ было несмѣтное количество; здѣсь снимали сливки, молоко раздавали дворнѣ, потомъ снимали сметану и здѣсь же вливали въ колотушки для битья масла. Большое количество отсылалось на кухню.

Нерѣдко мы ходили съ коровницами на большую леваду находящуюся надъ озеромъ, а это не близко. Тамъ былъ птичій дворъ; больше тысячи было тамъ домашней птицы—индюковъ, гусей, утокъ, куръ. Тутъ же былъ винокуренный заводъ, хлѣбные сараи и клуни, стояло большое количество скирдъ ржаного хлѣба и сѣна. Тамъ была построена цѣлая колонія хатъ для рабочаго народа.

Вскорѣ по прїѣздѣ графа съ семействомъ ¹⁾ начали съѣзжаться гости изъ Чернигова. Шли приготовленія къ освященію Домницой обители. Прибыли изъ Чернигова губернаторъ Григорій Петровичъ Милорадовичъ, а затѣмъ за день или болѣе преосвященный Михаилъ, архіепископъ Черниговскій.

Здѣсь исполнилось неожиданное назначеніе всей моей будущей судьбы. Мать потребовали со мною въ графскія комнаты. Преосвященный благословилъ мать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и меня,

¹⁾ Ибо двѣ дочери уже были въ замужествѣ: первая, Клеопатра, за княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, а другая за Куселевымъ, дѣдомъ нынѣшней Пушкиной.

стоявшаго съ матерью; затѣмъ онъ объявилъ свое архипастырское благоволеніе, что я принимаюсь въ духовное званіе, водилъ меня по парадной комнатѣ и говорилъ: „ты будешь получать содержаніе въ духовномъ училищѣ отъ меня“. Слѣдовательно, я долженъ былъ носить другую еще фамилію Михайловъ, которую усваивали въ Черниговской семинаріи получающіе таковое пособіе. Но объ этомъ сказано будетъ въ другомъ мѣстѣ.

За день большимъ обозомъ отправилась кухня въ Домницкій монастырь. Данъ былъ приказъ ловить рыбу во всѣхъ возможныхъ озерахъ. Рано съ разсвѣтомъ тронулся весь кортежъ каретъ и прочихъ экипажей съ гостями и со всей ливрейной прислугой. Много каретъ и экипажей возвратилось вечеромъ, а другая часть—на слѣдующій день. Готовились опять къ балу, заготовляли плошки, разные фонари, фейерверки; нѣсколько фалконетовъ выставлено или, какъ именовали ихъ, мощирей, на площадкѣ въ саду. Опять прибыло много гостей. Дня три это продолжалось. Отъ насъ позабрали всю, какая была лучшая, постель и отъ прочихъ дворовыхъ, кто имѣлъ таковую лучшую. По окончаніи баловъ стали разѣзжаться; вскорѣ уѣхали и петербургскіе гости и зятя. Говорятъ, они были на должностяхъ.

Остался графъ и графиня съ сыномъ, да докторъ Мисинадо, французъ; музыка почти вся была отправлена: остались одни турбаисты, танцующіе съ турбаномъ и пѣніемъ. Все вошло въ прежнюю колею. Мать говорила, что она до того была истомлена, что болѣе недѣли проболѣла. Молодой графъ часто приходилъ съ докторомъ Мисинадо къ намъ въ домъ; они удалялись въ угловую комнату еще съ какимъ-то господиномъ и моимъ отцомъ. Здѣсь они играли въ карты и шашки; дворецкій приносилъ имъ цопойку, бутылки вина и наливки. Молодой графъ любилъ погулять; впрочемъ, онъ былъ больной и полудиотъ. Онъ очень уважалъ мою мать и нерѣдко называлъ ее мамашей и боялся, если мать когда-либо останется чѣмъ-либо недовольна.

Въ сіе время я уже начиналъ ходить гулять, хотя и съ нянькой. Товарищемъ моимъ былъ Петръ Дайнека, сынъ булочницы; она же пекла просфоры для домашней дворовой церкви

и для приходской Спасопреображенской. Дружба наша продолжалась и тогда, когда насъ начали учить и посылать въ школу къ пономарю, очень сердитому и любившему выпивку.

Графа-владѣтеля я никогда не видѣлъ въ нашемъ домѣ. Мать постоянно требовали въ комнаты. Иногда по вечерамъ и утрамъ сестру Мавру и меня туда водили, давали намъ нить чай съ разными булками, сухарями и прочими сластями. Входилъ графъ, и мы подходили цѣловать его руку. Онъ приказывалъ принести намъ разныхъ конфектъ и сластей, и мы выходили съ наполненными салфетками. По приходѣ мать отъ насъ отбирала принесенное и давала малую только часть, за что мы иногда ссорились до драки.

Сестра Анастасія не участвовала въ нашихъ гуляньяхъ: она уходила учиться къ какой-то графской швейной мастерицѣ.

Особенно намъ нравилось, когда собирались у насъ гости— всѣ приближенные графскіе, мужья съ женами и дѣвушками. Угощеніе шло на славу: вареная малороссійская играла главную роль, наливка и вино лились въ изобиліи, закуски были наилучшія. Здѣсь участвовалъ и главный поваръ Антонъ, пузатый мужчина, одѣвавшійся очень прилично; въ кухнѣ же во время приготовленія обѣда онъ былъ весь въ бѣломъ, какъ снѣгъ.

Эти угощенія бывали больше тогда, когда графы отѣзжали куда-либо въ гости. Приходившіе намъ всегда приносили много разныхъ гостинцевъ и подарковъ. Главный садовникъ, участвовавшій въ этихъ пирушкахъ, приносилъ разные оранжевые плоды, какихъ нынѣ уже и видѣть не приходится. Призывали турбанистовъ; они одѣвались въ избранное имъ платье и плясали подъ напѣвъ и игру удивительнымъ и искуснымъ образомъ, подобно иаяцамъ.

Въ 1810-мъ году въ іюнѣ мѣсяцѣ умеръ нашъ отецъ Емельянъ, оплаканный всѣмъ семействомъ и дворовыми людьми: онъ былъ мягкій человекъ и любимый всѣми. Болѣзнь его была простудная—чахотка. Онъ болѣлъ всю зиму, и докторъ французъ Мисинадо поддерживалъ его, но сказалъ матери, что никакія лѣкарства не помогутъ и что весною или въ началѣ лѣта онъ умретъ.

Мать не жалѣла ничего для погребенія, сдѣлала склепъ просторный, чтобы когда-нибудь по смерти быть погребенной и ей¹⁾). Похороны были великолѣпныя: были священники съ причтами изъ трехъ церквей.

Его погребли близъ Андреевской церкви въ паперти. Здѣсь въ церкви погребена мать графовъ, Евдокія, на лѣвой сторонѣ, гдѣ въ стѣнѣ находится позлащенная таблица съ означеніемъ времени рожденія, службы и смерти. Она была статсъ-дама, имѣла орденъ св. Екатерины и служила при дворѣ при трехъ монархахъ. Въ послѣднее время она и жила здѣсь при церкви, въ домѣ изъ нѣсколькихъ комнатъ для нея и для ея прислуги.

Она вела жизнь отшельническую, удаливъ отъ себя всякую роскошь и суету міра. Она не ѣздила даже въ графскій дворецъ, а самъ графъ часто пріѣзжалъ къ ней; да она вообще никуда не выѣзжала, кромѣ Домницкаго монастыря къ своему духовнику, архимандриту и настоятелю Іерофею Малицкому. Благодаря ея ходатайству предъ сыномъ, свѣтлѣйшимъ, онъ хиротонисованъ въ архіереи, а послѣ въ митрополиты кіевскіе.

Мать устроила каменный памятникъ надъ могилой отца, который и нынѣ существуетъ. Въ 1849 году, въ бытность священника Аделфинскаго, я его подправилъ и отщекатурилъ. Въ то время я былъ благочиннымъ.

Здѣсь было много памятниковъ деревянныхъ, но они разрушились и не существуютъ, кромѣ одного, каменнаго, надъ могилой генераль-маіора Степана Бобира и другого, поставленнаго бывшимъ управляющимъ Петромъ Тузовымъ на могилѣ единственнаго сына. Послѣдній памятникъ былъ что-то въ родѣ малой церкви и стоилъ болѣе тысячи рублей. Этотъ мальчикъ подавалъ большія надежды. Въ памятникѣ стоятъ его механическія мельницы и прочія модели, сдѣланныя имъ собственнымъ рукодѣліемъ на 13-мъ году жизни.

Въ 1811-мъ году графъ со всѣмъ семействомъ выѣхалъ въ Петербургъ. При отъѣздѣ была призвана мать для проща-

¹⁾ Ей не суждено тамъ быть погребенной, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

ня; графъ предложилъ ей свою ентовую шубу, немного только пошенную; мать отказалась, и онъ тутъ же подарилъ ее дворецкому Фомѣ Бойку, сказавъ при этомъ: „Марфа, Марфа! Придетъ тебѣ темная ночь!“ Слова его сбылись въ послѣдующей жизни моей матери.

Послѣ отъѣзда графа произошли большія перемѣны: управляющій Дмитрій Петровъ Роговичъ переселилъ мать мою въ домъ за дворомъ, гдѣ проживали впослѣдствіи сахаровары нѣмцы, а нынѣ садовникъ Кохъ.

Правда, домъ былъ помѣстительный.

Меня стали учить: сначала пономарь дворовой церкви ходилъ къ намъ на домъ, а послѣ я и сестра Мавра стали ходить къ нему въ школу, дворовъ черезъ шесть, по большой улицѣ. Мы ходили больше съ Петромъ Дайнекою: онъ заходилъ за мною. Конечно, наше хожденіе было не безъ штуекъ и шалостей: мы заходили на цвинтарь драть воробьевъ, а въ лѣтнее и осеннее время забирались въ графскій садъ, гдѣ лакомились ягодами, грушами, яблоками, сливами, нерѣдко зелеными. Насъ, какъ привилегированныхъ, не наказывали розгами, а ставили на колѣна и грозили подсыпать гречки. За то, когда нашъ учитель приходилъ жаловаться матерямъ, не обходилось безъ потасовки. Прочихъ онъ дралъ, можетъ быть для внушенія намъ страха, и при отпускѣ въ субботу давалъ такъ называемыя „субботки“. Въ это время онъ всегда бывалъ пьянъ.

Диомедъ Афанасьевичъ Скриба (такъ звали нашего учителя) величался своимъ знаніемъ, силою и разгонялъ всю свою семью. Но лѣтомъ онъ заболѣлъ и умеръ на паперти дворовой церкви, подъ колоколами; онъ тамъ болѣе мѣсяца болѣлъ, не ходилъ въ домъ, хотя около церкви прогуливался съ трудомъ. Его занимали пчелы, которыхъ нѣсколько пней стояло тутъ-же въ саду; онъ за ними смотрѣлъ, потому что съ паперти былъ ходъ въ садъ.

Мы часто ему приносили по распоряженію матери лучшую, какаѣ была, пищу. Мать моя была вообще человѣколюбивая женщина и никогда не отказывала бѣднымъ, въ чемъ могла, за что отъ дворовыхъ и знавшихъ ее прочихъ людей заслужила добрую память. Когда онъ умеръ, мать приняла въ

домъ въ качествѣ учителя какого-то странника Демьяна, который болѣе занимался молитвой, чѣмъ нашимъ обученіемъ: заберется на гору и тамъ на колѣняхъ съ плачемъ молится. Сестра Мавра не давала ему покоя, постоянно издѣвалась надъ нимъ, и онъ часто уходилъ въ графскій садъ въ какую-нибудь гущу, глушь, собственно для молитвы. Впрочемъ, онъ былъ строгъ, постоянно держалъ розги, часто наказывалъ по одеждѣ, легко нами одѣтой. За это сестра Мавра ломала часто его розги и ругала его самыми неприличными словами. Едва ли онъ насъ училъ больше года, послѣ чего удалился, не знаю куда.

Въ 1811 году мать моя получила по ея просьбѣ позволеніе поѣхать съ семействомъ въ Кіевъ на поклоненіе св. угодникамъ, а оттуда въ Переяславскій уѣздъ Полтавской губерніи, въ селеніе Богданы для свиданія съ родною сестрою Пелагією, бывшею тамъ въ замужествѣ тоже за управляющимъ. Экономія дала матери новую крытую бричку, тройку конюшенныхъ лошадей и кучера Герасима, прежде ѣздившаго съ графомъ, но по старости лѣтъ замѣненнаго для графскихъ выѣздовъ сыномъ его Емельяномъ. Насъ съ матерью было четверо, да пятой была воспитанница, дѣвка Ирина, выданная впоследствии замужъ за садовника Марка Цыбу, съ приличнымъ вознагражденіемъ. Дорогою насъ ужасно удивляли, особенно подъ Кіевомъ, дремучіе тогда, высокіе сосновые лѣса. Разказы кучера о томъ, что въ этихъ лѣсахъ обитаютъ разбойники, ужасно насъ страшили, но мы ночью, какъ помню, не ѣхали и рано останавливались ночевать.

По приѣздѣ въ Кіевъ мы остановились въ графскомъ дворцѣ на Печерскѣ.

Здѣшній управляющій, а нынѣ дворецкій, принялъ насъ наилучше, помѣстилъ насъ въ домѣ, занимаемомъ имъ и его семействомъ; домъ былъ довольно обширный. Намъ здѣсь было очень удобно и вполне прилично: столъ мы имѣли совмѣстный съ семействомъ управляющаго, чай и прочее—тоже. При домѣ находился садъ съ ужасными байраками, гдѣ мы съ дѣтьми управляющаго постоянно бѣгали, гуляли и рвали плоды; помню,

виноградъ еще былъ зеленый и кислый, такъ какъ это было, вѣроятно, въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Дѣти управляющаго ходили въ классъ.

Иногда мальчики доводили меня до плача. Послѣ обѣды мы пускались въ запуски гулять, и это оканчивалось миромъ.

Помню, какъ насъ возили въ церкви, особенно Киево-Печерскую Лавру, гдѣ водили насъ по всѣмъ пещерамъ для поклоненія и цѣлованія святыхъ угодниковъ. Особенно запечатлѣлись въ моей памяти мощи Іоанна многострадальнаго въ землѣ, съ главы коего снимали шапочку и надѣвали мнѣ на голову, а также помазаніе елеемъ или мвромъ съ муроточивыхъ главъ св. угодниковъ. По выходѣ изъ пещеръ давали намъ по большой просвирѣ и водили насъ по всему монастырю.

Сильно запечатлѣлось въ моей памяти и то, какъ показывали намъ, когда водили по пещерамъ, въ желѣзные граточки, гдѣ лежали 12 братьевъ, замурованныхъ по смерти и строившихъ Лаврскую колокольню. Помню, какъ намъ показывали и маленькія церкви пещерскія, гдѣ мать нанимала обѣдню, послѣ которой намъ давали красное вино и крохи просвиры. Я вынесъ оттуда впечатлѣніе, которое роилось долго у меня въ головѣ, а по приѣздѣ домой я передавалъ мальчикамъ все видѣнное на разные лады, какъ понималъ. Послѣ того возили насъ и по другимъ церквямъ, напр.: въ Михайловскій соборъ, гдѣ почиваютъ мощи св. Великомученицы Варвары.

Тамъ, помню, купили и Акафистникъ св. Варвары, изъ котораго сестра Анастасія рассказывала впослѣдствіи намъ изъ картинокъ, тамъ напечатанныхъ, ея, св. Варвары, великія мученія и страданія отъ отца ея Діоскора. Возили насъ въ Софійскій монастырь, гдѣ покоятся мощи св. Макарія, въ Андреевскій, Десятинную церковь и пр.

Проживъ въ полномъ довольствѣ въ Кіевѣ ¹⁾ около недѣли, мы простились съ семействомъ дворецкаго и поѣхали на Перея-

¹⁾ Помнится, что когда въ 1856 году, въ январѣ мѣсяцѣ, я былъ въ Кіевѣ при поступленіи въ университетъ сына Феодора, я просилъ старшаго сына Александра повезти меня на Печерскъ, не узнаю ли я мѣста графскаго, гдѣ мы квартировали, и я указалъ. Сынъ Александръ сказалъ, что это мѣсто продаво Кошанинъ дивижансовъ.

славъ, въ которомъ тоже останавливались у какой-то лѣкарки, вѣроятно акушерки. Сестра Анастасія заболѣла какими-то лишаями на локтяхъ руки и изгибахъ колѣнъ.

Хозяйка наша, немолодая крупная женщина, была хорошо знакома нашей матери. У нея мы и квартировали. Помню, сестра Анастасія больно плакала, когда ее вытирали какими-то мазями, что дѣлалось въ отдѣльной комнатѣ. Мы здѣсь прожили дня три. Насъ тоже водили, не знаю, въ соборъ, или монастырь, гдѣ почиваютъ мощи св. Макарія, но все это помнится мнѣ, какъ въ сновидѣніи. Изъ Переяслава мы отправились уже въ Богданы, экономію графа. Прибыли мы туда днемъ. Насъ встрѣтили радушно. Родные отвели намъ домикъ посреди экономического двора, выстроенный для пріѣзда главноуправляющаго. Онъ былъ невеликъ, но красивъ и довольно помѣстителенъ. Здѣсь прожили мы въ полномъ довольствѣ. Помню, по утрамъ приходилъ кучеръ и говорилъ: „ну, панюшка Марфа Софроновна, здѣсь лошади откормятся, овса никогда не поѣдаютъ, сѣно посѣвное, какого онѣ не видали во всю дорогу.“ Оно косится для „шліонскихъ“ овецъ, коихъ тутъ большой заводъ.

Пирушки и попойки были ежедневныя. Насъ водили и по прочимъ дворамъ лучшихъ людей и вездѣ насъ кормили сластями. Во дворѣ было безчисленное множество всякой птицы, а голубей столько, что мы удивлялись ихъ множеству. Кромѣ помѣщеній на кровляхъ, по срединѣ двора была устроена на четырехъ столбахъ огромная голубятня, гдѣ помѣщались сотни голубей.

Помню, что тамъ было безчисленное количество арбузовъ и дынь и какихъ-то тыквъ, какихъ я теперь не вижу. Садовъ въ селѣ не видно, кромѣ небольшого графскаго. Здѣсь было много рогатаго скота, много воловъ съ большими рогами, какихъ я послѣ мало гдѣ видѣлъ.

Отсюда, проживши съ недѣлю, мы поѣхали уже домой; по дорогѣ заѣзжали еще въ графскую экономію, Оржицу, гдѣ тоже ночевали при всемъ довольствіи экономическомъ. Затѣмъ мы пріѣхали въ Нѣжинъ, гдѣ только отдыхали на Лицейскомъ

дворѣ. Мать ѣздила въ лавки и покупала то, что ей было нужно. На ночь мы отправились въ Беркiевку, главное управленіе. Здѣсь управлялъ помѣщикъ Богунъ, имѣвшій самъ душъ двѣсти крестьянъ въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ. Когда ему было доложено о пріѣздѣ матери съ семействомъ, онъ распорядился, чтобы намъ отвели помѣщеніе въ отдѣльномъ флигелѣ, а мать скоро потребовали къ главноуправляющему. Насъ лакеи его угощали чаемъ, а когда пришла мать, то подали ужинъ. Мать была сильно встревожена объявленіемъ Богуна о большомъ наборѣ рекрутъ и о томъ, что графъ скоро пріѣдетъ изъ Петербурга, при чемъ онъ объявилъ, что молодой графъ отправился въ Польшу съ козачьимъ полкомъ, коего онъ назначенъ полковымъ командиромъ.

Полутру опять мать звали къ Богуну, который далъ ей разныя бумаги въ экономію и распоряженія относительно пріѣзда графа, который долженъ прибыть ненадолго и безъ семейства. Здѣсь намъ перемѣнили третью лошадь, которая оказалась закривѣвшею. Послѣ обѣда мы отправились и ночевали въ какой-то тоже богатой экономіи. Это было сдѣлано уже по желанію кучера Герасима, т. к. у него здѣсь были родичи. Здѣсь громадное винокуреніе, и, кажется, у тамошняго приказчика разгулы продолжались за полночь. На другой день мы рано выѣхали изъ этой экономіи и къ позднему обѣду прибыли въ Стольное.

Занятія матери пошли своимъ порядкомъ, а Демьянъ нашъ возвратился и опять сталъ насъ учить. Я уже выучилъ грамматику и часловець, началъ учить псалтырь и писать по деревянной длинной таблицѣ, разведенной крейдою, перомъ. Вскорѣ опять нашъ Демьянъ покинулъ насъ и удалился въ Домницкій монастырь, гдѣ, говорятъ, онъ прожилъ болѣе года и удалился неизвѣстно куда.

Осенью прибылъ графъ безъ всякаго семейства, и безъ всегдашней его петербургской прислуги, а съ однимъ только поваромъ, въ дорогѣ нужнымъ потому, что здѣсь лакеевъ, истопниковъ и прочей прислуги было довольно. Помню, стали сгонять изъ разныхъ экономій молодыхъ и лѣтнихъ молодцовъ

для отвозки въ рекруты. Мать уже не завѣдывала кладовыми. Ими завѣдывалъ кондиторъ и его жена, а на рукахъ матери была только молочная и ледовня, теперь еще существующія въ видѣ башенъ съ флюгерами на верхнихъ куполахъ, на которые мы съ удовольствіемъ смотрѣли, когда они во время вѣтра вертѣлись.

Во время своего пребыванія въ Стольномъ, графъ часто выѣзжалъ въ разныя экономіи, въ Черниговъ и Нѣжинъ.

Сюда прибылъ изъ Чернигова Григорій Петровичъ Милорадовичъ, а также пріѣзжали болѣе извѣстные помѣщики изъ Черниговской и Полтавской губерній.

Музыки не было, кромѣ турбанистовъ и придворной пѣвчей. Въ церкви настоятелемъ по прежнему былъ тотъ же священникъ Даніиль Игнатовичъ.

Для болѣе скорого полученія писемъ изъ Чернигова была устроена постоянная домашняя почта до Чернигова.

По воскресеньямъ въ Стольномъ установился торгъ, на которомъ фигурировали большею частью березнинскіе торгаши или, какъ ихъ называли тогда, крамари. Большая часть ихъ состояла изъ женщинъ, занимающихся мелкимъ крамомъ—продажей лентъ, мониста, серегъ, личмановъ и проч. мелочи. Были крамари съ платками, ситцами, демикотонами, разною пестрядью, пряниками, орѣхами, изюмомъ, сахаромъ и проч. бакалеею. Все это было неизысканно, но болѣе всего удобно для продажи поселянамъ и дворянамъ, которые, за исключеніемъ графа, Бобыра и Даниловича, жили тоже неизысканно. На базаръ пріѣзжали также крамари съ сапогами и горшечники съ простою и поливняною посудой, бывшею тогда въ большомъ употребленіи. Графъ, дабы привлечь крамарей, нерѣдко покупалъ весь товаръ и въ присутствіи своихъ раздавалъ его своимъ дворовымъ людямъ, начиная отъ ситцовъ, платковъ, демикотоновъ и проч., а молодымъ дѣвкамъ, парнямъ и молодежи бросали очипки, мелкіе платки, дѣвкамъ—ленты, мониста, серыги, личманы и всякую мелочь, мальчикамъ и дѣвочкамъ—пряники, бублики, булки, сайки и прочую бакалейную мелочь. Здѣсь сидѣли графъ и прочіе гости, если таковые были, и съ интере-

сомъ смотрѣли, съ какимъ удовольствіемъ народъ все схватываль. Писаря сначала записывали по здѣшней оцѣнкѣ товары, предназначенные для раздѣла, пользуясь при этомъ всѣмъ лучшимъ, хотя тутъ же управляющій Роговичъ повѣряль. Сапоги и башмаки также раздавались писарями, войтами и прикащиками.

Затѣмъ графъ приказываль отпустить нѣсколько ведеръ горѣлки и пива, которымъ присутствовавшіе угощались до поздней ночи, послѣ чего составлялись хороводы и пляски.

Все это дѣлалось для того, чтобы привлечь крамарей къ наибольшему торгу и заинтересовать людей оборотами. Всѣ продававшіе шли въ контору и получали расплатку или забирали въ счетъ изъ экономіи товаръ, толстые холсты, сыръ, ненужное масло, сало свиное, свѣчное, кожи и проч., благодаря чему многіе оставались до другого дня по своимъ выгодамъ, но торгъ уже не производился, и товары почти всѣ разобраны бывали экономіей или сельскими покупателями. По рассказамъ матери, по тогдашней дешевизнѣ, это не восходило выше полутора ста рублей ассигнаціями: еще тогда имѣли цѣну денежки и полушки, а копѣйки мѣдныя—уже былъ счетъ болѣе значительный.

Въ концѣ 1811-го года начали выбирать ратниковъ для ополченія. Графъ все еще жилъ въ Стольномъ. Почти все время у него жилъ Милорадовичъ, а также очень часто изъ Березной пріѣзжалъ лѣкарь Самарскій, весьма извѣстный въ то время. Онъ былъ графскимъ и экономическимъ врачомъ. Въ экономіи было два фельдшера, одинъ изъ которыхъ, наиболѣе славившійся, Шульцъ, снабжалъ еще меня лѣкарствами, когда я уже кончалъ курсъ наукъ и хвораль въ домѣ.

Въ началѣ 1812-го года мать просила у графа увольненія отъ возложенныхъ на нее обязанностей, съ тѣмъ, чтобы поселиться въ домѣ и заняться по хозяйству. Графъ согласился и сдѣлалъ распоряженіе экономіи выдавать полную провизію ей и дѣтямъ, каковую получали дворовые, занимавшіе близкія мѣста къ графу. Кромѣ того, онъ приказаль выдавать по пятьдесятъ рублей въ годъ. Въ случаѣ выхода замужъ, выдача провизіи

прекращается, а дѣти получаютъ до совершеннѣтїя, и деньги также передаются на дѣтей.

Затѣмъ графъ лично пожелалъ видѣть устройство дома матери. Все было приготовлено для встрѣчи и прїема, все вычищено, выбѣлено. Графъ прїѣхалъ въ крытыхъ дрожкахъ, ходилъ вездѣ и все разсматривалъ. По предложенію матери онъ пилъ кофе. Онъ подарилъ на обзаведеніе сто рублей, а экономіи велѣлъ выдать изъ столярной всю нужную мебель; кромѣ того, онъ велѣлъ дать пару коровъ и всякаго мелкаго скота, овецъ, свиней, даже всякой птицы, чѣмъ завѣдывала мать.

Къ тому же онъ велѣлъ давать ежегодно двѣ прислуги—женщину и дѣвку—для присмотра за дѣтьми. Все, что мать могла получить тогда же, было получено исправно, что же было предоставлено времени, вовсе намъ не досталось.

Графъ получалъ постоянно бумаги изъ Петербурга, и къ нему являлось много чиновниковъ, т. к. онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ милиціи малороссійскихъ губерній. Въ то время онъ уже имѣлъ мундиръ и все убранство милиційское, сдѣланное въ Петербургѣ. Бывши уже священникомъ, я видѣлъ этотъ мундиръ съ бѣлымъ воротникомъ, залитымъ шитьемъ. Тутъ же были орденскія ленты, красная и голубая, и прочія принадлежности. Мундиръ висѣлъ на верху, во второмъ этажѣ, на большомъ вольтеровскомъ вреслѣ; здѣсь же находились орденскія ленты, ботфорты и проч. Впослѣдствїи все это было отправлено въ Петербургъ.

Графъ собирался выѣхать въ Петербургъ и вскорѣ выѣхалъ. Это было его послѣднее пребываніе въ Стольномъ.

Въ это время насъ постоянно запугивали французами, увѣряя, что французы придутъ и сюда, будутъ мучить и рѣзать людей, а малыхъ дѣтей давить и прищемлять лавками. Этотъ рассказъ такъ подѣйствовалъ на насъ, что при упоминанїи о приближенїи французовъ мы не знали, гдѣ дѣваться. Каждый почти день весною и лѣтомъ мы видѣли проходящихъ москалей, какъ мы ихъ тогда называли, а также возаковъ на лошадахъ съ пиками. Проходъ ихъ чрезъ Стольное всегда сопровождался пѣніемъ съ барабанами и дудками. Они иногда останавливались

на базарной плацади, и солдаты были угощаемы водкой и съѣстными припасами, офицеровъ же управляющій Роговичъ приглашалъ въ одинъ изъ графскихъ флигелей, гдѣ имъ также предлагалось угощеніе. На площадь сгонялись подводы для подъема амуниціи и прочаго офицерскаго и солдатскаго имущества. На веснѣ или въ началѣ лѣта шли Костромцы, народъ довольно крупный. Мы, какъ дѣти, ихъ тоже боялись. Помню, все шли рассказы о томъ, что французы жгутъ села и города и добираются до Москвы. Безпрестанно шли ратники, выгонялись подводы съ сухарями, выдавался хлѣбъ изъ магазиновъ, который сушили, мололи и пекли сухари. По раскладкѣ наряжались изъ дворянъ защитники для сопровожденія и доставки сухарей въ Польшу и близь лежація мѣста. Плачь въ семействахъ, по рассказамъ, былъ великій.

Прошло лѣто, не было уже видно солдатъ, а зимою стали говорить, что французы всѣ померзли и вездѣ ихъ бьютъ, что большая часть ихъ *повтекали* и самъ Бонапартъ утекъ. Послѣ народъ сталъ радоваться, когда въ церквяхъ стали читать манифесты и реляціи о пораженіи враговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).